

Известия, 2003, 30 янв. - с.8

Перемотать и забыть

Самый скандальный фильм Канна на наших экранах

В четверг в российский прокат выходит «Необратимость» с Моникой Беллуччи и Венсаном Касселем в главных ролях. Во время показа в конкурсе 55-го Каннского фестиваля публика валла из зала. Многим понадобилась медицинская помощь. Те, кто до сидел до конца, аплодировали стоя.

Мария КУВШИНОВА

С момента прошлогодней каннской премьеры «Необратимость» Гаспара Ноэ была известна как фильм, в котором насилуют Моника Беллуччи.

Те, кто придут на картину ради десяти минут измывательств над фотомоделью из Перуджи, Маленой и Клеопатрой всея Европы, расплатятся за любопытство дважды: во время просмотра кожей почувствуют холод бетонного пола и удар огнетушителем по лицу, а после выхода из зала в каждом незначительном эпизоде своей жизни станут подозревать начало необратимости.

Отравленная иронией артхауса публика давно привыкла думать, что секс — это комедия, а сцену убийства всегда можно перемотать назад. Заблуждения Старого Света Гаспар Ноэ, живущий во Франции аргентинец, использует сначала как ловушку, а потом — как повод для наказания. Очевид-

но, что свое вдохновение режиссер, получивший от Беллуччи кличку «безумец», черпал отнюдь не в бесхребетном фестивальном кино, которое демонстрацию члена считает за гражданскую доблесть и акт искусства.

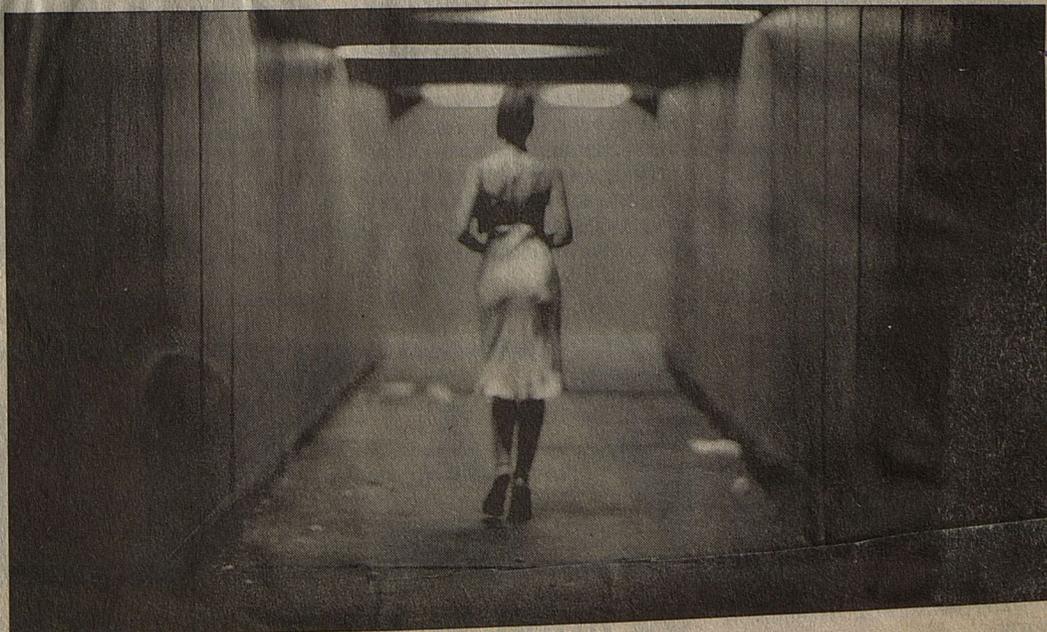
В одном из интервью Ноэ подтвердил то, о чем и так можно догадаться: перед съемками он посмотрел снафф-муви, кассету с записью реального убийства, и понял — киношный выстрел в голову ничего общего с действительностью не имеет. Чтобы отнять у человека жизнь (или нечто большее), надо порядком попороть. То, что в «Необратимости» заставляет отводить глаза, — всего лишь старательное воспроизведение правды, отвратительной для тех, кто привык с удовольствием потреблять секс и насилие в виде кинематографического целлулоида. Понятно, почему бежала из зала каннская публика: запекшаяся кровь была нанесена на лицо главной героини при помощи компьютера, но в европей-

ском кино последних лет не было ничего более настоящего, чем эта кровь. Как не было и таких искренних диалогов: не прописанные в сценарии разговоры Беллуччи, Касселя и Альбера Дюпонтеля — чистая и неповторимая импровизация.

Фильм начинается с финальных титров, и действие идет от конца к началу — от агрессии и безысходности к безопасности и любви. Уже зная исход, мы проделываем то, что невозможно проделывать в жизни: возвращаемся назад и пытаемся понять, с какого места перемагивать было бесполезно.

Незадолго до фатальной встречи в грязном подземном переходе героиня Беллуччи прочла научно-популярную брошюру, автор которой, вторя певице Алсу, объяснял: на небесах давным-давно все решено. Будущее в настоящем. Сны — предупреждение. Приметы — верстовые столбики.

Но снова и снова прокручивая в голове навязчивые впечатления от фильма, понимаешь: фатализм там — такая же обманка, как и скандальный синопсис. Не для того Гаспар Ноэ препарировал необратимость, чтобы в результате оказаться у Алсу на подпевках. Приподняв эпизод из парижской

Моника Беллуччи необратимо уходит вдаль

криминальной хроники до уровня античной трагедии, режиссер с ловкостью шулера изымает из этой трагедии главную составляющую: мотив неотвратимости судьбы. «Необратимость» — тридцать восьмое китайское пре-

дупреждение: не проморгай, не проспи, не прохлопай ушами — ничего вернуть будет нельзя. А вот бдительность проявить можно и нужно.

Увы, героиня Беллуччи, едва ли не последней в мировом кине-

матографе стопроцентной и совершенной женщины-актрисы, забыла про сны и приметы, чтобы спуститься в освещенный мутным фонарем тоннель и пойти вперед, все дальше и дальше углубляясь в необратимость.

Ноэ Гаспар

2003

30.01.03.